

ВЛАДИМИР
БУШИН

*В прекрасном
и яростном мире...*

СТИХИ

Владимир Бушин

**В прекрасном и
яростном мире... Стихи**

«Алгоритм»

2010

Бушин В. С.

В прекрасном и яростном мире... Стихи / В. С. Бушин —
«Алгоритм», 2010

Владимира Сергеевича Бушина называют лучшим критиком, полемистом современности, последним рыцарем советской идеологии. Солдат Отечества в самом прямом значении, с 1942-го в составе 50-й армии он прошел боевой путь от Калуги до Кенигсберга. Живя по совести и чести, никогда не забывая, что «жизнь – единократна, и всё в ней сразу – набело», он остался на передовой и в литературе. В стихах разных лет Бушин предстает лириком, романтиком, сатириком, памфлетистом. Он, как всегда, неожидан и узнаваем, ироничен и правдив.

© Бушин В. С., 2010

© Алгоритм, 2010

Содержание

Удел человека	8
Юность в шинели	37
Родное пепелище	62
Чудотворцы	70
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Владимир Сергеевич Бушин

В прекрасном и яростном мире. Стихи

© Бушин В. С., 2010

© ООО «Алгоритм-Книга», 2010

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Русским

**Таких в долгой жизни я много видал.
С дней юных законом их стало:
Если России не всё ты отдал,
Значит, отдал ты мало.**

**Пусть ты и честно, и праведно жил
И хлеб зарабатывал потом,
Но если не всё для страны совершил,
Считаться не смей патриотом.**

**К спасению путь во веки веков
Был жёстким, кровавым и узким.
А ты, коль за Родину в бой не готов,
Не смей называть себя русским!**

Красновидово, 31 декабря 2009

«Я был молодым и бессмертным...»

**Я был молодым и бессмертным,
Я спорил бесстрашно с судьбой,
И знал я победы и жертвы,
И звал я других за собой.**

**Шли годы... Какие удары
Пришлось отражать нам в бою!
Теперь я и смертный, и старый,
Но там же, где прежде, стою.**

Сентябрь 2009

Удел человека

Ничего иного

А. И. Цветаевой

Я устал от двадцатого века

.....

Я давно уже не человек...

Владимир Соколов

Весь этот мир —
от блещущей звезды
До малой птахи, стонущей печально,
Весь этот мир
труда, любви, вражды,
Весь этот мир
трагичен изначально.

И ничего иного тут не жди,
А наскреби терпенья по сусекам
И, зная всё, сквозь этот ад иди
И до конца останься человеком.

Коктебель, январь 1974

Ты знал!..

*Карьерными, хитрыми их делало время —
время интриг, авантюр, подсиживания...
Андрей Дементьев. «Прошлое и будущее». «ЛП»,
28.4.04*

Всё оправдать на свете можно.
Не падай духом ни на миг!
Одно лишь, милый, безнадежно —
Рассчитывать на черновик.

И путь свой не рисуй превратно:
Нас время, дескать, так вело.
Ты знал, что жизнь – единократна,
И всё в ней сразу – набело.

«Завтра», № 15, март 1994

Авва отче!..

Люди есть – как солнца. Свет их льётся
И тепло от них – во все края.
Пушкин был таким. Таким был Моцарт.
Как хотел таким же быть и я!

Люди есть – как луны. Свет их ярок,
Но не свой он, а у солнца взят.
Господи, пошли такой подарок!
Даже и ему я буду рад.

Но —
есть люди-камни
среди прочих.
Здесь тепла и света не проси.
Если только можно, авва Отче,
Чашу эту мимо пронеси!

Июль 1974

Камень и душа

Вот этот камень, что в руке держу,
Старей меня на множество столетий.
И я свой круг по жизни завершу,
А он ещё останется на свете.

Он много видел на веку своём:
Бунты, пожары, язвы моровые,
Как в засуху дымился окоём,
Как по Земле прошли две Мировые.

Всего и не припомнить. Но ничто —
Ни страх, ни боль, ни голод – не задело.
Всё проходило, как сквозь решето.
Не знал он слова, и не знал он дела.

А если б в нём душа жила хоть час,
И если бы с людьми ты пообщался,
Ещё вопрос, кто первым бы из нас
С юдолюю этой горькой попрошался.

«Литературная Россия», 27 августа 1976

К 60-летию октября

В революции, казалось раньше мне,
Рушится лишь зло да мертвечина,
Гибнет в очистительном огне
То, чему назначена кончина.

А здоровых и живых ветвей
Не коснётся пламя революций...
Я не знаю, стал ли я умней,
Но ту мысль
теперь
считаю куцей.

Жизнь прожив в раздумьях и труде,
Разглядел я просветлённым взглядом:
Зло с добром соседствуют везде,
Мёртвое с живым повсюду рядом.

Гагры, октябрь 1977

Моё время

Я жил во времена Советов.
Я видел всё и убеждён:
Для тружеников, для поэтов
Достойней не было времён.

Я жил в Стране Социализма,
Я взвесил все её дела
И понял: никогда Отчизна
Сильней и краше не была.

Я жил во времена Союза
В семье несметных языков,
Где дружбы дух и братства узы
Страну хранили от врагов.

Я жил в эпоху Пятилеток
И был голодным иногда,
Но видел я – мой глаз был меток, —
Нам светит горняя звезда.

Что ж, ошибались мы во многом,
Но первыми прорвали мрак.
И в Судный День, представ пред Богом,
Мы развернём
наш Красный Флаг.

«Правда», 22 января 1999

Журавли (Из Шалвы Цвижбы)

Когда ты видишь стаю журавлей,
Плывущую в осеннем небе к югу,
Ты не печалься, ты их не жалея,
А пожелай удачи им, как другу.

Их ждут пространство, ветер и гроза,
И скудный корм, тревожные ночлеги,
И молнии сверкание в глаза,
И хищников внезапные набеги,

И яростно по спинам бьющий град,
И страх такой, что крылья каменеют...
Но через столько терний и преград
Пробиться они всё-таки сумеют.

А дело в том, что, тягостных оков
Слепое почитания не зная,
Меняет в срок уставших вожаков
Летящая к заветной цели стая.

Оглянись!..

В свой звёздный час победы и удачи,
Когда преграды все сокрушены,
А ты твердишь: «И не могло иначе!» —
Взгляни-ка на себя со стороны.

И в день, когда ты проиграл сраженье
И ниц лежишь, стена и скорбя,
Вновь напруги своё воображенье, —
Со стороны взгляни-ка на себя.

Когда в грехе ты уличишь собрата
И кто-то крикнет яростно: «Распни!»,
А он молчит, моргая виновато, —
Ты на себя со стороны взгляни.

Ты можешь пить вино и веселиться
В кругу друзей, что так тебе верны,
Но если рядом будут слёзы литься, —
Взгляни-ка на себя со стороны.

Случись, в любви возвышенной и страстной
Ты станешь клясться, вовсе не любя,
А лишь затем, что был денёк ненастный, —
Со стороны взгляни-ка на себя.

Взгляни со стороны на все деянья,
Ни одного поступка не забудь.
И под парчой иль шёлком одеянья
Проступит их доподлинная суть.

Неотвратимость

Народ умеет примечать.
Насквозь он видит нас любого.
На всём стоит его печать —
От революции до слова.

Он дал прозванья-имена
Не только войнам да владыкам,
Но и цветам, сортам вина,
Дождям, ветрам, звериным крикам.

Не только рекам, городам,
За облака ушедшим горам,
Но даже мошкам и кротам,
Былинкам даже под забором.

И ты хоть прячься век в избе
Иль рвись в просторы мирозданья,
Как и всему, он и тебе
Найдёт достойное прозвание.

Бог и Адам

Я где-то слышал древнее преданье:
Зверей и гадов, птиц и рыб создав,
Не стал им Бог придумывать названья,
А первочеловеку дал заданье,
Решить, кто лев, кто кролик, кто удав.

И вот предстали все перед Адамом,
Неробким и сметливым мужиком.
– Что ж, – он вздохнул, —
я всем названья дам им. —
И начал: – Ты вот будь гиппопотамом,
Ты – зайцем, ты – верблюдом, ты – жуком.

Адам трудился целый день до пота,
На перекуры время не терял,
Из крайне непонятного чего-то
Он делал соловья иль кашалота,
А Бог смотрел да ручки потирал.

Уж он-то знал, Всевидящее Око,
Назвав орлом – орла, змеёй – змею,
Адам весь мир преобразил глубоко.
И хаос кончен с этого лишь срока,
Мир завершённость получил свою.

Он знал и то, Владыка Всемогущий,
Что волен мир создать, предать мечу,
Построить ад, разбить Эдема кущи,
Но дать названье всякой твари сушей
Лишь человеку было по плечу.

«Вы видели, как сквозь асфальт порой...»

Вы видели, как сквозь асфальт порой,
Его пронзая, лезет стебелёчек?
Где силы взял для подвига герой?
Ведь не ракетчик, не танкист, не лётчик.

Мне моего нешустрого ума
Загадку разгадать вполне хватило:
Его ведь кормит мать-земля сама,
А сверху тянет аж само светило.

Я думаю, и Путин в свой черёд
Любые стены прошибал легко бы,
Когда бы опирался на народ,
А сверху прокурор следил бы в оба.

Красновидово, 2010

Слова

Как всё живое, и слова,
Увы, стареют и болеют.
Те – на ногах стоят едва,
У этих бороды белеют.

И смерть грозит словам порой,
Но у любой на свете нации —
На Волге, Рейне, за Курой —
Есть средства их реанимации.

Вот, кажется, сейчас умрёт:
Ни пульса, ни дыханья нету.
Но вдруг – неожиданный поворот,
И вновь пошло гулять по свету.

Взять слово «патриот». Кажись,
При Ельцине сыграло в ящик,
Но вот опять шагнуло в жизнь.
И это лишь один образчик.

Предостеречь хочу я всех,
Словам, пророчащим забвенью:
Опасно брать на душу грех
Насильственного погребенья.

Солнце

Из Кичибека Мусаева

Мне кажется, когда редет мгла
И солнце тихо отверзает вежды,
Оно не только света и тепла,
Оно полно и веры и надежды.

Начав очередной рабочий день,
Светило так неистово мечтает,
Что в наших душах всех пороков тень
К исходу дня в лучах его истаёт.

Но видит солнце к вечеру с тоской,
Что в этом мире всё, как утром было,
И, покраснев за грешный род людской,
За горизонт спускается светило.

Пока мы спим и на земле темно,
Оно клянёт нас выше всякой меры.
Но час приходит – и встаёт оно,
Как и вчера, полно надежд и веры.

Земное притяжение

*В. В. Лебедеву, космонавту,
дважды Герою Советского Союза*

*Не обвиняй меня, Всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мрак земли могильный
С её страстями я люблю.*

М. Лермонтов

Что делать! И меня таким создали
Отец и мать, потом – судьбы рука:
Не снятся мне космические дали
И не влечёт меня за облака.

Всегда я вижу солнце восходящим
Не из глубин без края и конца,
А из-за той давно знакомой чаши,
Пронизанной руладами скворца.

Да, у меня земные представленья,
Я весь в плену земных забот, страстей,
И снятся мне земные сновиденья
Без нынешних космических затей —

Не путь в огнях сквозь дали мироздания,
А как в Мосальске выжил под огнём,
И друг мой, не вернувшийся с задания,
И скорбь моя, и боль моя о нём,

Не старты звездолётов на рассвете,
Не красота пейзажей неземных,
А мать моя, жена моя и дети,
Тревога и ответственность за них.

Пусть говорят: бедно воображенье!
Я от таких упреков не бегу,
Да, чувствую земное притяженье
И ничего поделать не могу.

Оно твердит, исполненное веры,
Что внуки наши через много лет
Простят нам неосвоенность Венеры,
Но не простят оставленных им бед.

И потому оно с восторгом бьётся
При виде не Сатурнова кольца,
Не пропастей вселенского колодца,
А редкого счастливого лица.

Подходный налог

Нет, не завидуйте тому,
Кто так удачлив и беспечен,
Кто – это видно по всему —
Печатью баловня отмечен.

Чьё имя на устах у всех,
Кого все беды обходили,
Кто будто и не знал помех
Там, где другие слёзы лили.

Кто так шагает широко,
Кто так безудержно хохочет,
Кому так дышится легко,
Кому доступно всё, что хочет.

Так не завидуйте же – грех! —
Весёлым, смелым и свободным.
Тем паче, что любой успех
Бог облагает подходным.

Суть

Характер виден всюду и везде —
На воздухе, на суше, на воде,
В застолье, в путешествии, в труде,
В отчаянье, в богатстве, в нищете,
В печали, в ликовании, в беде.

Характер обнаружится всегда —
Когда мы ждём решения суда,
Когда мы умираем от стыда,
Когда мы воскресаем иногда,
Когда мы тащим рыбку из пруда.

Характер проявляется во всём —
И в том, как мы кого-нибудь спасём,
И в том, как лишь присутствует при сём,
И в том, как свою курочку пасём,
И даже в том, как ложку в рот несём.

Каких ни навдумывай затей,
А суть свою не скроешь от людей.

Вот только бы...

*Ирине Ермаковой,
русской парижанке*

Мои друзья объездили весь свет.
Кто в Риме был, кто в Лондоне, кто в Дели...
Кто в Кордильерах свой оставил след,
Кто изучил все шведские отели.

Они твердят: «Как много красоты,
И как она разнообразна в мире!
Жаль, что её не часто видел ты.
И взгляд, и дух твой сделались бы шире».

– Вы правы, – отвечаю я друзьям, —
Завидую. Готов и я помчаться,
Чтоб посмотреть на пальмах обезьян,
Чтоб на волне карибской покачаться.

Да, я поеду! Но успеть бы мне
Налюбоваться вдоволь той берёзкой,
Что так дано видна в моём окне
Во всей красе сердечной и неброской.

Да, я готов! Но только мне бы вот
Наслушаться и жаворонка вволю,
Когда он сыпет серебро с высот,
А ты идёшь, лицо подняв, по полю.

Да, я собрался. До свиданья, Русь!
Билет, Ирина, до Парижа – сколько?..
Вот только на Непрядву нагляжусь,
Вот только ширью русской надышусь...
Вот только я... Вот только бы... Вот только...

Silentium

1

Молчание бывает громогласно.
Когда за ним достоинство и честь,
Оно гремит возвышенно и страстно
И нечто в нём магическое есть.
Известно это всем с давнишних пор.
Вот так молчал когда-то Томас Мор.

2

Я спокойно гляжу в эти злобные лица.
Отвечать? возражать? с ними спорить? – Зачем?
От пощечины словом
Можно словом укрыться,
От молчанья хлыста не укрыться ничем.

«Порой меня пронзает ощущение...»

Порой меня пронзает ощущение,
Что без моей любви к ней и труда
Земли остановилось бы вращенье
И солнце закатилось навсегда;

Что я один за жизнь Земли в ответе
И кое-что мне сделать удалось.
Лишь потому и солнце ярко светит
И не скрипит пока земная ось.

Они и мы

Вадиму Тарханову, однокласснику и другу

Как много средств передвижения
Век современный дарит нам!
Мы без большого напряжения
Сегодня – здесь, а завтра – там.

Совсем не то, что в пору бричек,
Возков, кибиток да карет —
Как нет у нас тех дней привычек,
Так скоростей тех жалких нет.

Сверхзвуковые самолёты,
Сверхскоростные поезда —
И никакой-то нам заботы,
И никакого нам труда!

Вот мать проведать вы решили
Или старинного дружка —
В трамвае ли, в автомобиле
Дорога к ним проста, легка.

Доступно всё, и всё в избытке,
Пути надёжны и прямы,
Но те, что ездили в кибитке,
Не чаще ль виделись, чем мы?

Март 1978

Плюрализм

Как суетятся ныне люди!
Дела и время гонят их.
И потому поспешно судят
Они частенько о других.

Сосед меня считает злокой,
Один знакомый – гордецом,
Другой сосед – ходячей скукой,
Другой знакомый – наглецом.

Кто прочит мне удел мессии,
А кто шипит: «Он хулиган...»
Кто – «Первое перо России!»,
А кто – «Последний графоман!».

Прости сумбур им этот, Боже,
Коль сам язык всем нам и дал.
– Прощаю, – Бог сказал, – но все же
От многих я не ожидал.

С ярмарки

Когда я на вселенском торге
Явился вдруг вослед другим,
Ото всего я был в восторге,
И кошелёк мой был тугим.

В товарах пёстрых по лабазам
Я взоры нежил и купал,
И что не мог покинуть глазом,
То, не торгуясь, покупал.

Мне медный таз казался солнцем,
Над мишурой я сладко млея,
И не стоял я за червонцем,
И четвертных я не жалел!

Набил я короб необъятный
И вроде счастлив был вполне,
Но вдруг заметил: в путь обратный
Пора с той ярмарки и мне.

И вот бреду... А что ж покупки?
В их суть я наконец-то вник:
Те – слишком грубы, эти – хрупки,
А третьи – чёрта ли мне в них!

Теперь все цены я сверяю
С веленьем сердца и ума,
И всё ненужное – швыряю.
Бери, кто хочет, задарма!

И уж отныне не позволишь
Себе покупку просто так:
Ведь в кошельке моём всего лишь
Последний тёртый четвертак.

Судьба

Для какого дела я родился?
Для какого часа или дня?
Может, с ними я уже простился?
Может, они ждут ещё меня?

Не была ли делом тем причастность
К грозным и победным дням войны,
Когда мы смертельную опасность
Отвели всем миром от страны.

Не был ли тем делом сад вишневый,
Что я сам взрастил и берегу?
Иль – всего сочувственное слово,
Сказанное бывшему врагу?

Не был ли тем часом час рассвета,
На Непрядве встреченного мной,
Когда понял вдруг, что нет ответа
На загадку красоты земной?

Не был ли тем днём тот день прекрасный,
Когда встретил милую мою?
Или – тот, загадочный и властный,
Что велел мне: – Пой! Я дар даю.

А, быть может, это дело – песни,
Что я завтра радостно сложу?
Или где-то старичок безвестный,
Коего под локоть поддержу?

Может, это день и час, когда я
В будущем неведомо году,
Ни о чём уж больше не гадая,
За родную землю упаду?..

Ничего покамест неизвестно.
Не проста задачка, непроста!
Надо жить уверенно и честно.
Только смерть всё ставит на места

Возраст

Хосе Нульо, другу из Барселоны

О, годы! Что со мною случилось!
Очки, морщины, седина...
Неужто в самом деле старость
И чаша выпита до дна?

Но как же старость, если Моцарт
Теснит дыханье мне опять,
И сердце учащённо бьётся,
И, как ему, мне тридцать пять;

И если Лермонтова строки
Зовут меня на бой за честь,
На бой бесстрашный и жестокий,
И, как ему, мне двадцать шесть;

И если над судьбой Джульетты
Меня опять застал рассвет,
И я шепчу её обеты,
И мне, как ей, шестнадцать лет.

Уезжает Рая Коган

Как с утра у нас в подъезде
Только «Ох!» да только «Ах!»,
Все квартиры, все соседи
Словно на похоронах...

Подкатило ровно в десять
Грузовое к нам такси.
Не успели всё мы взвесить,
Как уж слышим: «Выноси!»

Ты ли это? Это Рая ль?
Ты ли это, чёрт возьми,
Отправляешься в Израиль
С малолетними детьми?

И выходит Рая Коган,
Грузит шкаф, диван, бельё...
Не судите слишком строго,
Люди русские, её.

Потому что Коган Рая,
Покидая отчий край,
Едет хоть и не из рая,
Но едва ли прямо в рай;

Потому что ей за сорок,
Два мальчишки-сорванца,
И удел их, право ж, горек:
Есть отец, и нет отца;

Потому что у Раиски
Блажь гнездится в голове,
Что альфонсы в Тельавивске
Совестливей, чем в Москве,

Что в земле обетованной
Разорвёт мытарства круг —
Там квартира с суперванной,
Там и суженый супруг...

Безотцовщину видали
Наши бабы столько раз!
Но отчизну чтоб кидали
Да с детьми – в чужие дали, —
Это видят лишь сейчас.

И, не зная, слаще ль, горше
Там им будет – «Ох!» и «Ах!» —
Плачут русские лифтёры
О еврейских пацанах.

Весна

Зима была такой унылой
И беспросветно-затяжной,
Что всем казалось: с прежней силой
Не обновится мир весной.

Зима была такой тяжёлой —
Метели, вьюги, холода, —
Что думать о весне весёлой
Казалось дико иногда.

Зима была такой жестокой —
Тоска, хандра давили всех, —
Что о весне голубоокой
Мечтать казалось просто грех.

Но день пришёл – она настала
И прядь откинула с чела,
И, как обычно, заблестала,
И, как впервые, расцвела.

Апрель 1978

Август

Прекрасно всё,
куда ни брошу взор —
Цветы, деревья, птичьи трели, небо,
Безбрежных далей манящий простор,
Волна, бегущая по полю хлеба.

Прекрасно всё,
что слышу – дальний смех,
Шуршанье листьев, лёгкий шаг любимой,
Шум детских нестареющих потех,
Свист крыльев птицы, пролетевшей мимо.

Прекрасно всё,
что ощущаю я
И рук, и тела каждым сантиметром —
Текучих вод прохладная струя,
Полдневный зной и дуновенье ветра.

Прекрасно всё,
что на душе сейчас —
Любовь, восторг, печаль, благодаренье...
Со мной и с вами было так не раз —
И всё-таки достойно удивленья!

Юность в шинели

«Нельзя включить воспоминания...»

Нельзя включить воспоминания,
Как телевизор или свет —
Тут бесполезны все старания,
Тут никаких рецептов нет.

Они приходят как бы сами.
Законы их сложны, тонки,
Но, уж явясь, идут за нами
Порой до гробовой доски.

«Когда мне снится-вспоминается...»

Когда мне снится-вспоминается
То, что я видел на войне,
Со мною иногда случается —
Кричу невольно я во сне.
Как я боюсь, чтоб этот крик
В твою светёлку не проник.

«Ты всего на три года моложе меня...»

Ты всего на три года моложе меня —
В нашем возрасте это пустяк.
Но меня опалило дыханье огня,
Хоть и ты уж давно не простак.

И тебе довелось натерпеться всего,
Тоже лиха досталось хлебнуть,
Только горьких прозрений пути моего
Не знавал и не знает твой путь.

Я тебе это вовсе не ставлю в вину.
Никому не судья, не кумир, —
Просто видел я
больше тебя
на войну,
На огромный и яростный мир.

Ровно в четыре часа

Он в эту ночь уснуть не может,
Сосед мой, отставной майор.
Та боль его доныне гложет,
Тот гнев горит в нём до сих пор.

А если и вздремнёт усталый,
То уж в четыре-то часа,
Как по команде запоздалой,
Он вскочит и протрёт глаза.

И перед ним опять виденья
Того рассвета, дня того,
Когда свершилось нападение
На землю милую его.

На пограничном полустанке
Их было горсточка людей,
И через них прорвались танки
На спящих женщин и детей.

Он будто слышал, как граница
Внезапно хряснула. А он
Мог лишь стонать да материться,
Последний расстреляв патрон.

Ему нет дела до масштаба
Чужой вины и в чём вина.
Просчёты Сталина, Генштаба
Он на себя берёт сполна,

Поскольку в том бою неравном
Остановить врага не смог
На направленье самом главном,
Что прямо к сердцу – на восток.

Те танки-псы да бомбовозы
Тогда побили всю братву...
И он сейчас глотает слёзы
Да шепчет: – А вот я живу...

Старик не верил в Бога сроду,
Но вот уже в конце пути,
Как Богу, молится народу:
Ведь ты всемилостив. Прости...

*Коктебель, 1976,
«Сельская жизнь», 21 июня 1994*

Павшие в сорок первом

Всем, за Россию павшим, слава
И память скорбная вовек!
Их свято чтят и мать-держава
И каждый честный человек.

О всех нам не избыть печали
Средь будней, праздников и дел,
Но у того, кто пал в начале
Особый всё-таки удел...

Им, кто сражался в Бресте, в Орше,
В Смоленске, Вязьме, у Орла,
В земле лежать не всех ли горше? —
Им неизвестно, чья взяла.

Они не знают, удалось ли
Нам отстоять Москву зимой
И как и что там было после
Со всею Русью, всей страной.

И что с детьми? И что с женою?
Жива ли мать? И где отец?
Ещё пойдём ломить стеною
Или уже всему конец?..

Над ними годы проплывают,
Как многотонные суда,
Но ничего они не знают
И не узнают никогда.

Но без раздумий всё отдали,
Всё совершили, что могли
И, не колеблясь, прахом стали
Родной единственной земли.

*Июнь 1974,
«Правда», 29 июня 1994*

Изверг

Осень сорок второго года.
Мы от фронта верстах в пяти.
Учат нас. Командиром взвода
Изверг – хуже не приведи.

Только зыкнет бывало: «Связью
Обеспечить КП за час!»
И бежишь, и ползёшь ты грязью,
И потеешь ты десять раз.

Как спасения ждешь отбоя.
Он нужней, чем хлеба кусок.
Только снова: «Тревога! К бою!»
Или – ночью-то! – марш-бросок.

С полной выкладкой, всё по форме.
Верст на двадцать – «Вперёд, братва!»
И не поят тебя, не кормят,
И душа в тебе чуть жива.

Вот и ноги совсем как вата.
А комвзвода – песню свою:
«Тяжело в ученье, ребята,
Но ещё тяжелей в бою!»

Кто-то раз ему брякнул: «Врете!»
Да и я считал, что брехня.
Но при первом же артналёте
Он от взрыва прикрыл меня.

«Правда», 29 июня 1994

Алтарь победы

Памяти Игоря Зайцева, Кости Рейнветтера, Володи Семёнова, Вали Андрусова, Фридриха Бука, Лени Гиндина, Толи Федотова и всех моих одноклассников по 437-й московской школе, не вернувшихся с войны

Сорок четвёртый. Польша. Висла.
Мне двадцать лет. И как Вийон,
Я жизнь люблю сильнее смысла,
Сильней значения её.

Как все, хотел в живых остаться,
Без костылей прийти с войны,
Но, как нетрудно догадаться,
Я знать не мог ещё цены

Любви, испитой полным кубком,
Отцовства радостям простым,
Труду, смирению и уступкам,
Ветвям черёмухи густым,

Неторопливым наслажденьям
Неспешного течения дум,
Случайным нежным песнопеньям,
Тропе, что выбрал наобум...

Потом лишь это всё изведав,
Я оценить сумел вполне,
Что отдал на алтарь Победы
10-й «А» на той войне.

Май 1974, «Правда», 29 июня 1994

«Всё ближе заветная дата...»

Н. Г.

Всё ближе заветная дата.
Я верю, что в этом году
Нелёгкой походкой солдата
К тебе на крыльцо я взойду.

На стук мой ты вскочишь с постели
И, дверь не прикрыв за собой,
К потёртой и пыльной шинели
Прижмёшься горячей щекой.

За долгие сроки разлуки,
За то, что пришёл из огня
Твои драгоценные руки,
Как прежде, обнимут меня.

*Аллентейн, Восточная Пруссия,
1 января 1945*

День Победы

Если было б судьбой суждено мне
Жить до ста, даже тысячи лет,
И до тех бы времён я запомнил
Дня Победы и облик и цвет.

Слёзы счастья и скорби на лицах,
День из горя и радости весь,
Залпы тысячи пушек в столице,
О Победе разнёсшие весть.

И сердечное краткое слово
Поздравленья отцом сыновей
В этот День мы слышала снова,
Дети разных земель и кровей.

Это слово не часто звучало,
Но всегда укрепляло сердца.
С ним прошли мы войну от начала
До Победного Дня, до конца.

*Кёнигсберг, 50-я армия. 9 мая 1945.
«Разгромим врага», 12 мая 1945*

Берёза

И быстрые ноги к земле приросли...
Анна Ахматова. «Лотова жена»

– О чём твой шум, – спросил я у березы
На перекрёстке русских двух дорог. —
Я слышу в нём стенанья, вздохи, слёзы,
Но смысла их я разгадать не смог.

– Я не берёзой родилась когда-то, —
Мне листья отвечали в вышине. —
Была я молодой женой солдата.
Он до сих пор ещё на той войне.

Весной победной молодые ноги
Встречать его несли сюда меня.
Дни напролёт ждала я на дороге,
Глаза рукой от солнца заслоня.

Ты знаешь, путник, сколько отзвенело
Зелёных вёсен с давней той поры.
Я в ожиданье одеревенела,
Надев наряд из листьев и коры.

И к лучшему! – она вздохнула глухо. —
Не верю я, что враг его убил.
Вернётся он. А я уже старуха.
Меня бы он невольно разлюбил.

А так – любовь бедой не обернётся.
Я как береза хороша – взгляни!
Увидит он меня и улыбнётся,
И сядет отдохнуть в моей тени.

Тогда над головой его склонённой
Тихонько песню спеть я захочу,
Чтоб он услышал голос мой влюблённый.
Сейчас я песню эту и учу.

Ответив мне, берёза зашептала
Опять о том, чем только и жила.
Казалось ей, что дней осталось мало.
Она спешила выучить слова.

Поиски первой любви

Мои многие сверстники ныне, уж в зрелые годы
Всё стучат и стучат кулаками в ворота любви.
Не судите их строго. Их юности нежные всходы,
Их мечты и надежды потоплены были в крови.

Надо выстоять было и вспять обратить ту лавину,
Что наслали фашисты на землю родимую их.
Задолжала им юность рассветов своих половину,
И ночей, и черёмух, и песен прекрасных своих.

Огрубели в ту пору сердца, и желанья, и нервы.
Они знали одно: сокруши! отомсти! раздави!
Потому и любовь начиналась для многих не с первой,
А с второй или третьей и даже с десятой любви.

Но о первой, не бывшей, тоска их всё гложет и гложет.
И в квартире богатой, и в скромной крестьянской избе,
На работе, в пути, на неспящем супружеском ложе
Всё она перед ними маячит, всё манит к себе.

Вот возникла опять из-за ближнего вдруг поворота
И куда-то исчезла, шепнув еле слышно: «Лови!»
И бегут мои сверстники, бьют кулаками в ворота...
Кулаки их и души разбиты уже до крови.

1974

Костыли

Прислушайтесь, имеющие уши:
И рядом с вами и от вас вдали
Всё реже, всё печальнее и глуше
Стучат о нашу землю костыли.

А вспомните, как яростно стучали
Они везде-везде в былые дни,
И облака из пыли и печали
Шли над страной от этой стукотни.

Но год от года войско их редело
На тротуарах и на большаках,
Валялись они чаще всё без дела
В чуланах, в сенцах да на чердаках.

Их стук да скрип вот-вот уж прекратятся,
И тихо станет среди бела дня.
И в тучи облака преобразятся,
Всех нас, живущих, тенью осеня.

*Коктебель, октябрь 1974,
«Правда», 7 мая 1994*

Если...

*Не дай мне Бог вас пережить, собратья...
Пушкин. «19 октября 1825 года»*

Я на войне зелёным был юнцом,
И если б долготетья тяжким даром
Как фронтовик был наделён Творцом,
То мог предстать бы пред Его лицом
Последним самым, хоть не самым старым.

Подумать страшно: вся ушла братва...
И что такое Т-34,
Сорокапятка, Пэ-пэ-ша, У-2
И прочие старинные слова
Я буду понимать один лишь в мире.

Но и один я в майский день приду
К Могиле Неизвестного Солдата.
А если кто-то бросит на ходу,
Увидев, что гвоздики я кладу:
— Какой сегодня праздник? Что за дата? —
А если кто-то будет сквозь смотреть
На выцветшие орденские планки,
То лучше мне сегодня умереть,
Чем заживо среди живых гореть
В забвения тяжёлом танке.

*Малеевка,
«Правда», 7 мая 1994*

Героическая симфония

Он тенью входит к людям в дом
И днём погожим, и в ненастье
И хнычет без конца о том,
Какое у него несчастье.

Вот он сидит передо мной,
И меркнет свет в моей квартире.
– Ах, горше участи земной
Никто не ведал в этом мире!..

Я встал и музыку включил.
И, к нам войдя, сказал Бетховен:
– Замолчь! Ты ноги промочил,
А он свой тяжкий крест влачил,
Где пот ручьём, где лужи крови.

1975

Дубки

В тот славный год в начале мая,
Надежд полна и весела,
Одна крестьянка молодая
Дубки из леса принесла.

И в честь победы над фашистом
И чтобы муж-солдат был рад,
Дубочки те с мечтою чистой
У хаты высадила в ряд.

Она о той поре мечтала,
Когда в их ласковой тени
Внучатам сказки бы читала
В иные благодные дни.

Но не вернулся муж-воитель.
В последнем яростном бою,
Европы всей освободитель,
Сложил он голову свою.

И пролегла рекой разлука...
Судьба солдатки тем грустней,
Что у неё не только внука,
Но нету даже и детей.

Выходит, в той жестокой схватке,
Что завершила наш поход,
Убит не только муж солдатки,
А пресечён был целый род.

Солдатка уж давно седая,
Дубки ж её всё зеленой.
Они, листву перебирая,
Шумят то тише, то сильней.

И песни славы ими спеты,
И песни горя да тоски —
Они ж сыны самой Победы
И смерти война годки.

И потому так любит слушать
Седая женщина их шум...
Ты не посмей ничем нарушить
Ни трудных чувств её, ни дум.

«Сельская жизнь», 13 мая 1994

Последний парад

На смерть маршала Г. К. Жукова

— Спокойно спи, суровый маршал, —
Я прошептал издалека,
Когда пред ним в прощальном марше,
Чеканя шаг, пошли войска.

Парад последний принимал он,
Как встарь, у стен седых Кремля,
И шапки медленно снимала
Вся наша скорбная земля.

То был парад сынов и внуков
Солдат минувших грозных лет,
Которых он, Георгий Жуков,
Водил под стягами побед.

Для битв великих был он скроен
И в стане вражьем сеял страх...
Шли батальоны чётким строем,
Держа равнение на прах.

Но вот, печальный и красивый,
Прошёл последним старшина,
И вдруг с небес над всей Россией
Распространилась тишина.

И я увидел вещим оком,
Что нам дают иные дни,
Как за живыми вслед потоком
На площадь хлынули ОНИ.

ОНИ, что пали под Москвою,
Чьей жизнью выжил Ленинград,
Как будто их водой живую
Подняли нынче на парад.

О ком по всей стране рыдали
И кем гордиться ей века —
Тут сталинградцы шли рядами,
Под Курском павшие войска...

Один в тулупчике, в ушанке,
Другой в пилотке, босиком,
Кто почернел в сожжённом танке,

Кто бел лицом, как снежный ком.

И те пришли из крайней дали,
Кто брал Берлин и сам рейхстаг,
Кого уже с победой ждали,
Да не учли один пустяк...

От генерала до солдата —
Все перед ним текли рекой.
Из них он многих в бой когда-то
Послал державною рукой.

И он порой при этом ведал,
Что не вернуться им назад,
Что не видать им дня Победы,
Как не цветёт зимою сад.

Таков войны закон суровый.
И всё ж, им посланные в бой,
Они бы и теперь готовы
В бою прикрыть его собой.

И здесь, в его последней Ставке,
Хоть у стены стоял портрет,
Не старца видели в отставке,
А полководца в цвете лет.

...И вот уж прах замуровали,
И дело шло к исходу дня,
А тени всё маршировали,
Молчанье скорбное храня.

И уж закончили мы тризну,
И ночь сошла на ширь земли,
А те, кто пали за отчизну,
Всё шли да шли, всё шли да шли...

*23 июня 1974,
«Омское время», № 24, июнь 1994*

Двадцать восьмая могила

3 сентября 1994 года войны, вернувшиеся из Германии, возложили 27 букетов гвоздик к Кремлёвской стене, где спят наши прославленные полководцы.

Говорил фронтовик двадцать третьего года рожденья,
Он из тех, у кого за спиной Сталинград и рейхстаг.
Он божился: «Ей-богу, не сон, не мираж, не виденье.
Всё я сам это видел, и всё было именно так».

И опять повторял: «Не легенда, не сказ, не былина.
Навсегда сохранит в своём сердце родная земля
День, когда наши внуки вернулись домой из Берлина
И под знаменем красным прошли по Тверской до Кремля.

Двадцать семь у них было букетов им выданных алых.
И с поклоном сыновьим возложили их все у стены
На могилы прославленных маршалов и генералов,
Незабвенных героев великой народной войны.

Но могиле одной запретил командир поклониться,
Положить в изголовье хотя бы гвоздичку одну.
И косились солдаты, мрачнели солдатские лица,
Ибо с помощью их ещё раз оболгали войну.

Сколько лет уже лгут и не могут налгаться досыта,
На могилы плюют, разбивают кресты и гробы...
Ах, как хочется им, чтобы правда была позабыта!
Как назвать их? Антихристы. Нелюдь. Рабы.

И в кругу нашем, редком уже, но по-прежнему братском
Тяжело мне, товарищ, и мерзко о них говорить,
И скажу лишь одно: в сорок третьем под Гжатском
Не доверил бы им даже кашу солдатам варить.

И, в душе проклиная запрет скудоумно греховный,
Уходили солдаты за скорбным отрядом отряд...
Вдруг один обернулся: – Спи спокойно, Верховный,
Мы припомним и это – ведь настанет и наш Сталинград...

А когда уж луна горизонт озарила московский,
То очнулись герои, преступив роковую межу,
И сказал самый младший, изгнанник Литвы Черняховский:
– Разве он допустил бы! Я гвоздики ему положу.

Маршал Жуков шагнул, под луною сверкнув орденами:
– Вспоминаю о нём каждый раз, как вокруг погляжу.
Этот смрад и развал, спор и кровь меж страны племенами
Разве он допустил бы! Я гвоздики ему положу.

Адмирал Кузнецов, от него претерпевший немало,
Поднял руку: – А я лишь о том вам скажу:
Сколько гаваней лучших у нашего флота не стало!
Разве он допустил бы! Я гвоздики ему положу.

Тут и сын его Яков, погибший в плену, оказался.
– Мой отец, – он сказал, – был уверен, я честно умру.
И менять на фельдмаршала сына не стал, отказался.
Он иначе не мог. Дайте пыль я с могилы сотру.

И один за другим его маршалы и генералы
Подходили за сыном к могиле и клали цветы.

Это видел я сам, – мой рассказчик закончил устало.
И ревниво добавил: – Неужто не веришь мне ты?

*«Омское время», № 115,
сентябрь 1994*

Когда ты поднимешься снова?

Зарыли его у Кремля
Без почестей, ночью, украдкой.
И пухом не стала земля,
И сон его вечный не сладкий.

Но в мае, в тот день торжества,
Что в сердце храним мы особо,
Лишь в полночь затихнет Москва,
Встаёт император из гроба.

И видит он нынешний мир,
В котором России так тяжко...
На нём всем знакомый мундир
И с красной звездой фуражка.

Идёт... Перед ним Мавзолей.
В ту чёрную осень отсюда
Шеренгам своих сыновей
Дал веру он в грозное чудо.

Сюда в 45-м году
Победа на крыльях явилась...
За это на Страшном Суду
Ему бы немало простилось.

Страну озирая кругом,
Он ищет надежды и смысла...
Вдруг видит: над звёздным Кремлём
Трёхцветная тряпка повисла.

– Да как это терпит народ?
И что с моей родиной стало? —
Он маршалов грозно зовёт,
Зовёт молодых генералов.

Но те, кто был славен в бою,
Его уж не слышат в могиле,
А те, что сейчас – изменили
И продали шпагу свою.

Тогда он спросил тишину:
– Где Яков, мой сын? Где Василий?
– Расстрелян был Яков в плену,
А младшего здесь затравили...

Тогда, современник, к тебе,
Как встарь, обращает он слово:
– Неужто ты сдался судьбе?
Когда ты поднимешься снова?!..

И ходит он взад и вперёд,
Ответа от нас ожидая.
Но тихо. Безмолвен народ
И в ночь на Девятое мая.

На Спасской пробили часы,
Восток оживился, алея...
Платком вытирая усы,
Спускается он с Мавзолея...

«Правда», 8 мая 2009

Молитва

Маленькая, седенькая, в чёрном,
Женщина на кладбище пришла.
Было в её облике покорном
Что-то выше и добра, и зла.

С жизнью она счёты завершила.
Здесь в могилах вся родня почти.
И себе уже давненько сшила
Платье для последнего пути.

Нынче день свиданья с сыновьями.
Если б их погладить по вихрам...
Полземли прошли они с боями,
И все трое здесь. От старых ран.

Вот могила младшего, Николки.
На цветке качается пчела.
Подошла и не спугнула пчёлки,
Тихую молитву начала.

Позади вся жизнь её клубилась.
Спали вечным сном её сыны.
А она о будущем молилась:
Чтобы больше не было войны.

Еле слышно шелестели листья,
Словно с ней старание дея...
На таком предельном бескорыстье
Только и стоит ещё земля.

«Рдел закат причудливо и яро...»

Рдел закат причудливо и яро,
Охватив, казалось, полстраны,
И напоминал мне то пожары,
То знамёна, то зарю войны.

А моя Катюшка-Катерина,
Доченька, синичка-егоза,
Вдруг сказала: – Это как из Грина,
Алые плывут к нам паруса!

Малеевка, 1979

Родное пепелище

*Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам...*

А. Пушкин

Воспоминание в Крыму об отце

Он умер от чахотки в сорок.
Его в Крыму бы полечить,
Но нелегко сюда в ту пору
Путёвку было получить.

Да, впрочем, и не в этом дело,
А в складе том умов, сердец,
При коем дух превыше тела.
Таким и был он, мой отец.

То партячейка, то субботник, —
И всюду первым, не вторым —
То мореплаватель, то плотник...
И где там Крым! Какой там Крым!

А я, продукт эпохи новой,
Дитя литфондовских щедрот,
Благополучный и здоровый
В Крыму почти что каждый год.

Коктебель, 1985

Телефонные гудки

Звоню по телефону маме,
Как вдаль гляжу из-под руки...
Всем существом припав к мембране,
Считаю длинные гудки.

Когда-то лишь один звоночек —
И мама трубку уж брала:
– Я слушаю... Ах, ты, сыночек!
Ну, как здоровье? Как дела?

Но годы шли, старела мама.
Вот и за семьдесят годков.
И постепенно, но упрямо
Росло, росло число гудков.

Моих звонков в её квартире
Едва ли что желанней есть,
Но вот их стало три, четыре.
Последний раз их было шесть.

Я жду и, глядя вдаль, считаю:
Семь... восемь...
– Милый, как дела? —
Я словно камень с плеч кидаю:
Ну, слава Богу, подошла.

Всё видит мать...

Я в гости к старой матери пришёл.
Она ждала меня, седая, долго.
– Ну, вот и славно, вот и хорошо, —
Твердит старушка, суетясь без толка.

Однако вот и штофик на столе,
И яства из заветного запаса.
А тучки на святом её челе
Исчезли в свете радостного часа.

А я на телефон уже гляжу,
А мне уже спешить куда-то надо,
За стрелками стенных часов слежу...
Всё видит мать, и рада и не рада.

– Конечно, – говорит она, – дела.
Я понимаю: ты ведь многим нужен...
Я тут вот на дорожку собрала,
Когда ещё он будет-то, твой ужин...

Я тяжело встаю из-за стола...
О Господи, как ни мечись по свету,
Как ни насущны все твои дела,
Но дел важней, чем эта встреча, нету.

Коломенское

«Я не звонил дней десять матери...»

Я не звонил дней десять матери,
Хоть знаю – надо. Сам отец.
И вот, желая быть внимательным,
Звоню ей нынче наконец.

Как встрепенулась! Как запела!
И что с тобой? И где ты был?
И повторяет то и дело:
– Спасибо, вспомнил, не забыл.

А у меня лицо горит:
Она ещё благодарит...

«Я обижал порой друзей...»

Я обижал порой друзей.
Прости меня за это, Боже.
Хотя почти никто, ей-ей,
В долгу не оставался тоже.

И женщин обижал порой.
Прости и это. Хоть едва ли
За них бы кто-то встал горой, —
Они мне тем же отвечали.

И мать я обижал не раз.
Она обиды все сносила,
Не поднимая скорбных глаз,
И лишь понять её просила.

И как никто была верна.
Любви живое воплощенье.
Так велика моя вина,
Что было б грех просить прощенья.

Коктебель, 1979

«Склоняя голову всё ниже...»

Склоняя голову всё ниже,
Вслед за отцом уходит в ночь
И мать. Я это ясно вижу
И не могу ничем помочь...

Вовек

Памяти А. В. Карповой

Умерла моя крёстная мать.
Пусть ей будет земля наша пухом,
Как и всем старикам и старухам,
Коиx час ей настал принимать.

Трудный путь довелось им мостить,
Но, неся непомерное бремя,
Находили, однако же, время
По обычаю нас окрестить.

А сегодня кого ни спроси:
«Вы крестили детей своих?» – Где там!
Жить по новым советским декретам
Повелось уж давно на Руси.

Но последний уйдёт человек,
Что крещён был в купели с водою,
Но была ты, Россия, святою,
Так святой и пребудешь вовек.

Февраль 1976

Смех в ночи

Доченька во сне захохотала,
Словно её мать пощекотала.
Видно, не хватает ей денька-то
С самого утра и до заката,

Чтобы весь восторг души до дна
Выплеснуть успела бы она.
Смейся же, родная, что есть мочи
Даже среди самой тёмной ночи!

Коктебель, 1974

Чудотворцы

Традиционность

Как трудно быть традиционным,
Поскольку не о том же речь,
Чтоб жить старьём аукционным,
А пламя истины беречь.

Традиционным быть не просто:
Ты должен знать урок веков
И своего не медлить роста,
Не знать запретов и оков.

Хочу я быть традиционным —
Дышать не прахом мертвецов,
Не воздухом кондиционным,
А духом истинных творцов.

Они – живее нас любого —
Идут живыми по стране.
О, если молвить хоть бы слово,
Чтоб с их глаголов наравне!

Коктебель, май 1976

Русские писатели

Когда б они не создали тех книг,
Которых ты – счастливейший наследник,
Когда б никто из них не стал велик
Как сердцевед, пророк иль проповедник,

Ты и тогда бы чтить обязан их,
Воздав своё Шекспиру и Гомеру:
Они когда-то прадедов твоих
Спасать ходили в голод и холеру.

А в сорок первом, когда грянул бой,
Из них иные головы сложили
За то, чтоб ты и дальний правнук твой
Свободно на земле свободной жили.

*Май 1976, Коктебель.
«Литературная Россия», 27 августа 1976*

Только и всего
(Из Кичибека Мусаева)

Однажды к знаменитому поэту
Пришёл старик. Бородку теребя,
Промолвил он: – Скажи мне по секрету,
Что вдохновеньем служит для тебя?
– Секретов нет, – поэт ему ответил. —
Мне вдохновенье жизнь даёт сама:
И этот день, что так высок и светел,
И ночи благодетельная тьма,
Волос любимой еле слышный запах,
И смех детей, и тихий шум садов,
И лист чинары в дождевых каплях,
И вид плывущих по морю судов,
И радость у прохожего во взоре,
И письмецо, что вдруг пришлёт мне дочь,
И боль чужая, и чужое горе,
Когда хочу утешить и помочь...
– Постой, – прервал старик, – всё это было,
Встречалось всё и на моём пути,
Но почему ничто не вдохновило
На песню, что рвалась бы из груди?
– Да видишь ли, – помешкав чуть с ответом
Поэт, однако, твёрдый дал ответ, —
Ты просто в мир явился не поэтом,
А я живу и мыслю как поэт.

Первый

Во всём, во всём был Пушкин первый —
Не только в славе и любви,
Но и в презренье к сытой черни,
И в буйстве духа и крови.

Он первым был и есть от века
Певец народа своего,
И нет в России человека,
Чтоб так же чтили, как его.

Он первым нас без рамок узких
Смотреть на белый свет учил,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.